УДК 330.085

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ – ОТ НАСТОЯЩЕГО К БУДУЩЕМУ

И.В. Кирдяшкин

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
E-mail: kirdjhkin@mail.ru

Определяется направленность и формы участия молодежи в социально-политических процессах современной России. Дается анализ содержательных и инструментальных аспектов социально-политической активности современной молодежи. Определяются основные исторические факторы политической адаптации молодежи, связанные с общемировыми процессами.

Одной из ключевых категорий современности является категория будущего. Информационная среда сегодня транслирует в общество проекты будущего во всех вариантах и сочетаниях. Будущее воплощено не только в меняющихся условиях и обстоятельствах жизнедеятельности отдельного человека или общества в целом. Оно имеет свое исторически обусловленное «лицо», в котором вместе с прошлым и настоящим отражаются черты грядущего. Это «лицо» молодежи, которая в силу своей «социальной некомпетентности» обладает в обществе главным образом символическим политическим капиталом.

Функционально молодежь – эксперимент для дальнейшего существования социума, будущих его ипостасей, будь то биологической, социально-политической, технологической или культурной (определяемой в публикации как система социальных норм и запретов). Наиболее масштабных размеров эта социальная функция молодежи достигла в XX в., времени усиления господства массовой культуры, которая как ни что подходила в качестве благодатной почвы. Молодежь стала социальной основой всех революций и социально-политических переворотов, в том числе и российских. В этот же период молодежь становится в определенной мере автономным экспериментом. Время социальных революций и масштабных войн, не требующих индивидуальной оценки происходящего, значительно усилило роль молодежной культурно-политической составляющей в развитии общества. Человек без прошлого, без устойчивых привычек общежития, каковым является молодой человек, становится движущей фигурой социальных пертурбаций. История дает этому культурному процессу особую перспективу. После обретения человечеством феноменально скоростных технических средств коммуникации весь технический прогресс «дело рук» относительно молодых людей разных стран. Свойства средств коммуникации сродни реакции молодого человека на внешний раздражитель – почти мгновенной, не размышляющей над результатом. Это свойство ставит каждого молодого человека в положение «дикаря-индивидуалиста», априори не «знакомого» со сложившимися правилами функционирования общества.

Молодежь обретает политический «голос» в истории, по ее меркам, совсем недавно – 60–70-е гг. XX в. Цепь восприятия этого феномена во многом замыкается вокруг локальных событий произошедших в ряде западных стран. Именно в этот период молодежь становится объектом пристального внимания социальных институтов. Это не случайное явление. Западный культурный мир и его социально-политические составляющие имеют большие «разрешающие способности» (формула М. Арчер) [1. С. 259] для проявлений социально-политической активности молодежи, чем, к примеру, российские. Молодежные революции на Западе, особенно в США, породили не только прецедент исключительно молодежного протеста, но и его содержание – культуру протеста против мегатенденций развития западного общества. Один из его идеологов Г. Маркузе считал главной задачей молодежного протеста создание «нового человека», нового типа личности с новыми формами сознания и действия, свободного от репрессивных потребностей, жестокости, насилия, грубости, обязанным быть гуманным, мягким и чувствительным. У него должна произойти радикальная переоценка ценностей, предполагающая разрыв с рутинными способами видеть, слышать, ощущать и постигать вещи [2. С. 127]. Культура молодежного протеста стала убежденным противником философии «общества потребления» тех лет, где не было места потребностям молодежи в новых ощущениях мира.

Культура молодежного протеста, ставшая свидетельством превращения «общества потребления» в новую неоднородную социальную реальность, сказала ему «нет», но не предложила ничего взамен. Молодежный протест, как следствие формирования новой культуры, имел серьезные дальнейшие последствия, основополагающими из которых являлись инкорпорирование молодежного сознания в культуру и политику, изменение потребностей общества: они стали во многом определяться продуктами молодежной субкультуры. Истоки генезиса феномена молодежной субкультуры, как считает С.И. Левикова, следует искать в переходе общественных систем от статичности к динамичности и в соответствующем изменении положения молодых людей в общественных системах: в статичных обществах главную роль играло старшее поколение, в динамичных – молодое. Изобретение техники и внедрение ее в производство ознаменовало переход к динамичным обществам и породило новую социокультурную, демографическую группу – молодежь [2. С. 85].

Сегодня вопросы соотношения молодежи и политики, как правило, только начинают волновать исследовательское сообщество. Этому есть ряд причин. Во-первых, молодежь, как правило, не является, по мнению большинства «действующих» политиков и исследователей, «полноценным», независимым от взрослого мира субъектом политики. Во-вторых, политическую деятельность молодежь «сочетает» с процессом социализации и адаптации, отсюда сложность в определении направленности ее идейных, программных и отделении друг от друга тактико-стратегических политических установок. Политическая активность молодежи с конца 80-х гг. XX – начала XXI вв., времени формирования новой российской современности, представляет собой сложный и неоднозначный социокультурный феномен. Придать ему очертания – задача не из легких, уловить его, настраиваясь на традиционные, присущие во многом другим политическим силам, виды политической активности, практически невозможно. Отсюда представление о современной молодежи, как о аполитичной. Это происходит потому, что политическая активность молодежи вместе со всем тем, что происходит вокруг, видоизменяется, трансформируется в непривычные направления – процессы, которые формируют и будут формировать социальную реальность в дальнейшем.

Важную роль здесь играют условия, воздействующие на формирование, развитие человека и гражданина. Они сегодня, порой, категория более изменчивая, чем мы сами. Особенно это касается свойств «конструкции» окружающего социального мира. Информация о нем все более является средством его трансформации. Все зависит от «наблюдателя», причем он может быть не один, а бесчисленное множество. «Наблюдатель» сам превращается в режиссера, собой меняющего мир. Общемировой и постсоветский кризисы идентичности становятся сильнейшими генераторами сюжетов, которые наполняют российское информационно-мыслительное пространство. Сегодня несопоставимо больше, чем еще десять-пятнадцать лет назад, технических возможностей-инструментов оказывать воздействие на других «наблюдателей», и культурная ситуация благоприятна для большего количества индивидуальных сюжетов. Это породило не только развитие многообразия интерпретаций, но и целый класс людей их генерирующих.

Калейдоскоп событий последних лет привел российское и в целом мировое сообщество к проявлению не только черт аномии, стало заметным появление большего числа людей с особого рода мышлением, которое, как считают исследователи, является знаковым для современной цивилизации. Это, так называемое, мышление людей со случайной фантазией. Оно характеризуется тем, что работает как случайный выбор. Точная фантазия не случайна, она позволяет выстраивать мир мысли в соответствии с миром реальным, ее память телесна. Творчество для людей, обладающих случайной фантазией, выглядит как запоминание случайного выбора. Память для людей со случайной фантазией, есть хранение в мозгу «файлов», описаний с помощью определенного кода предыдущих событий. Воспоминание – вызов «файла», поиск его по его дескрипторам, меткам [3. С. 307]. Непредсказуемость – среда для них наиболее благоприятная.

Они, в целом, вне контекста официальной и практической политики. Их структурирует и организует не только возможность производить мыслеформы-идеи, проекты и т. д., но и способность общества их воспринимать, от них зависеть. Их концентрация в СМИ, сферах досуга, интеллектуальном сопровождении бизнеса и политических проектов не случайна.

Исследовательская задача по отношению к обществу, живущему на фоне меняющихся знаний о себе самом, тоже видоизменяется. Интерес составляют «механизмы», которые легли в основу интерпретаций. Технически оснащенный ментальный уровень может детерминировать осознание происходящего. Это не исключает и трансформации осознания в прагматическое действие или профессионализм. Доминирующими источниками интерпретаций сегодня являются не только «официальные» интерпретаторы, но и «рядовые» пользователи современных носителей информации. Революционизирующее влияние сетевых технологий отчетливее всего проявляется благодаря коммерциализации Интернета и усиливается за счет исторического резонанса, создаваемого такими процессами, как интернационализация, глобализация и интеграция мировой экономики. Так называемая «интернет-зависимость» начинает «претендовать» на свою роль в становлении жизненных идеалов и норм современных молодых людей. Например, для наиболее образованной и пассионарной части молодого поколения Интернет стал во многом не только средством самореализации, но и системой, с существованием и деятельностью которой связана ее самоидентификация. Виртуальный мир становится и отражением «реального». Отмечает это и социология молодежи. Так Е. Омельченко считает, что внешне досуговая активность молодежи: Интернет, компьютерные игры, просмотр телесериалов, участие в интерактивных коммуникациях (телепроектах, Интернет – и SMS-чатах) выглядит не столь кардинально отличающейся от работы или учебы, и за которой скрываются значимые для молодежи жизненно-стилевые стратегии [4. С. 160]. Виртуальный мир – это и новое поле, на котором больше возможностей продолжать играть со смыслами, поэкспериментировать со своими идентичностями. Это пространство, где можно продлить «время и ощущения детства», которому, по «определению», присущ игровой аспект.

В число отличительных признаков игры, по мнению Й. Хейзинги, входит ряд основных: игра свободна, ее можно всегда начать и закончить; возможность жить не «обыденной» или «настоящей» жизнью, это выход в преходящую сферу деятельности с ее собственным устремлением [5. С. 27]. Игра устанавливает порядок, она сама есть порядок. В современном, полном сумятице, мире она воплощает временное, ограниченное совершенство. Порядок, устанавливаемый игрой, непреложен. Малейшее отклонение от него мешает игре, вторгается в ее самобытный характер, лишает ее собственной ценности [5. С. 30]. Игровое сообщество обладает склонностью сохранять свой постоянный состав и после того, как игра уже кончилась [5. С. 31]. В социальных условиях, установленных правилах того или иного порядка и нынешних условиях всеобщей пропаганды индивидуализма, «состояние игры» придает молодежи психологическую и социальную устойчивость.

Вместе с тем отличительной чертой игры не только в психологическом, но и в общекультурном планах, по мнению О.Н. Мухина, является двойственность: «Как только та или иная деятельность получает второй, скрытый смысл и стимул, она становится игрой» [6. С. 147]. Игра может быть частью любой человеческой деятельности. Этот компонент в условиях несовершенства методов и неоднозначности результатов современной культурно-экономической трансформации, гибридизации человеческих взаимосвязей, в немалой степени, присущ современному политическому процессу в стране в целом. Отсутствие сегодня четких параметров конструкции будущего, в рамках которой существовать нынешней молодежи, проявлению элементов игры не только способствует, но и делает их конституирующими чуть ли не весь процесс трансформации общественных отношений.

Игровые компоненты становятся наиболее привлекательными в среде современной, в том числе и российской, в особенности высокообразованной и политически активной молодежи, приобретая порой решающее значение для самореализации. В условиях энтропийных социокультурных тенденций они – одни из немногих результативных воспитательных форм, ориентированных на упорядочивание социальных норм – правил. К примеру, компьютерные игры представляют собой социально приемлемый вид символического опыта, важного для развития личности. Игровые компоненты – важная составляющая в структуре современной молодежной культуры социализации (субкультурные, коммуникативные аспекты и т. д.). Сегодня возникает спрос на их варианты, который рождает целую индустрию предложений, все более детерминирующий высокотехнологические, наиболее креативные секторы экономики во всем мире. Свойства и возможности системы интернет, позволяющей быть творцом интерпретаций, становятся не только инструментами вхождения в политику, но и «механизмом» выражения и закрепления своей позиции – места – ячейки (это может быть просто группа «энтузиастов»), через который может формироваться и разыгрываться тот или иной политический, культурный брэнд. Порой этому процессу присущи экономические рыночные детерминанты, и его сопровождает поиск фигуры «покупателя» уже сконструированного образа или движения, деятельность которого аналогична работе предприятия. Так «покупателем» может быть любая, имеющая политические и финансовые ресурсы, социальная сила или кон-

кретная личность, которая может использовать «покупку» по своему усмотрению. В ряду операций наиболее популярна перепродажа, формирующая рынок, игра в котором пользуется спросом более всего среди лидеров молодежных политических движений и организаций, задающих ему «нужное» напряжение. Эти тенденции, получившие в России развитие с первой половины 90-х гг. XX в., можно отнести к симптомам ослабления пика молодежной активности (в основном субкультурной), нацеленной на построение новых общественных отношений и институтов. Они связанны: с «торможением», работающих с конца 80-х гг. XX в., «лифтов» социальной мобильности и укореняющимся монополизмом в экономике и политике; с открытием каналов доступа массовой культуры с Запада, основным потребителем которой на тот момент была молодежь; и главное с тем, что социально активная молодежь попадает под влияние крупных игроков российского рынка: криминальных, олигархических, а с конца 90-х гг. XX в. государственных структур.

С этого времени процесс освоения политического пространства молодежью становится виртуально-игровым по отношению к происходящему в границах «территорий» практической политики. Сопровождающий его кризис идентичности провоцирует создание новых образцов ее поиска и нахождения. Основные источники знания о жизнедеятельности современной молодежи «превращаются» в виртуальные публичные самопрезентации, дневники, которые описывают опыт процесса политической самоидентификации, самоидентификации вообще. Социально-политическое действие становится внутренним сюжетом процесса «взросления».

Общественно-политическая активность молодежи вне сети Интернет становится практически невозможной. И не столько потому, что ограничены организационные ресурсы, а главным образом потому, что внутренней идейной составляющей существования элементов социально-политической активности нынешней молодежи является сам Интернет и его, ассоциирующиеся со сверхвозможностями, свойства коммуницирования и воздействия. Среди них одним из приоритетных является неконтролируемая свобода действий. В условиях отсутствия новых объединительных идей, под «знаменами» которых молодежь могла бы «безнадзорно творить» себя и свое будущее, наиболее социально и интеллектуально активная ее часть непроизвольно начинает «конструировать» конкурирующие друг с другом модели, смыслы и коды бытия в целом. Это происходит с учетом условий, которые им предоставляет общество для самореализации, самоакцентуации, как активных членов общества, и реализации более «низших» потребностей. Их смешение – «болезнь» роста. Виртуальность становится большей реальностью, наиболее возможной ее формой, для части молодежи единственной, в том числе и для того, чтобы «переболеть» этой «болезнью». В условиях появления факторов, провоцирующих молодежь на политическую активность (неудовлетворенность условиями самореализации, спрос со стороны тех или иных политических сил), результат определяется не только заданными политическими параметрами, но и культурно-психологическими и экономическими параметрами среды ее проявления. В данном случае, преимущества, полученные в результате пользования Интернет-сетью, играют не последнюю роль. Информация любого свойства становится частью создаваемых смыслов для аудитории Интернет-пользователей, из которых формируются виртуальные, подчас исключительно на идейной основе, сообщества. Основа легитимности любого молодежного движения или молодежной общественно-политической организации сегодня закрепляется, прежде всего, на сакрально-символическом для молодежи уровне, на уровне регулярно или эпизодически работающего Интернет-сайта. Доступ к управлению их информационными потоками ограничен небольшим кругом лиц (интеллектуальный продукт деятельности которых покупается публичными политиками), находящихся, во многом, вне поля публичной и официальной политики. Вместе с этим не исключаются публичные попытки презентации того или иного политического замысла, идеи или их симбиоза, порой экзотического свойства, что является данью моде на постмодернизм,2 и то ослабляющийся, то усиливающийся спрос на внесистемное в политике, нежели конструктивное, последовательное политическое усилие. Эти попытки, в соответствии с голографическим эффектом (часть копирует целое), осуществляется в рамках правил «взрослой» политики, специфика которой практически малозаметна.

Та или иная молодежная политическая организация современной России в действительности представлена относительно небольшим количеством активистов. Молодежные организации нередко имеют лишь набор атрибутов политической организации (идеология, программа, ряд публичных акций и т. д.), который ни к чему не обязывает и мало соотносится с ее деятельностью, скорее симулирующей политическую, которая вовсе не означает абсолютное отсутствие политических мотивов. Симуляция скорее выражается в отрицании знака как ценности, которая прогрессирует в современной культуре, что снижает роль публичной политики в том виде, в котором она существует сейчас. Эта ситуация создает условия для рождения новой знаковой среды и новых политических инструментов. Их месторазвитие – область коммуникаций, место в которой уже определяет и будет определять в дальнейшем социально-политический статус человека или общества.

Молодежная политическая активность и молодежный протест с конца XX – начала XXI вв. становятся сегментами, необходимыми для функционирования в условиях, пока, во многом неконтролируемой виртуальной Интернет-реальности и нарождающейся системы глобальных угроз, этатист-

кой системы, придавая ей, как гаранту социальных норм (культуры) порядка, большую легитимность. Став постмодернистским (играющим со смыслами и идентичностями) приложением неолиберализма, молодежное протестное движение в публичной политике начинает лишаться идеологического содержания, становясь одной из главных частей идеологии нового потребления информационного. Ряд экономистов предсказывают смену эры капитализма эрой аттенционализма, а новую общественную парадигму связывают с появлением нового класса-нетократии, которая касалась рычагов власти после всех социальных революций, но была отставлена более прагматичными классами, она – класс людей, управляющих смыслами и формирующих коды социального бытия. Монополия на эксклюзивное знание делает ее в информационном обществе господствующей, что определяется отношением к знанию – талантом и умением манипулировать сетевой информацией [7. С. 129–130].

Политические идеологии, движения, характерные для периода эволюции этатизма (XVIII–XX вв.), представляют собой во многом стороны идеологии, в которой все политические силы являются приверженцами одной и той же базовой идеи – сильное государство необходимо для выживания склонного к самоистреблению «естественного» общества. Социальный протест в этот период – мера, адресованная государственным учреждениям, направленная на усиление их контролирующих функционирование «естественного общества» и мобилизационных социально-политических и экономических механизмов. Превалирование этого убеждения в западной и особенно российской политической культуре объясняется его позицией чистой власти, чрезвычайно полезной в качестве основы для общественного строительства и мобилизации социума для защиты или нападения. Трансформация этатисткой системы ввиду: изменения условий функционирования общественной системы, транснационализации экономико-политических факторов – узлов принятия решений и видоизменения внешнеполитических угроз, уже не требующих столь масштабных мобилизаций, что не исключает ее усиления, делает объект протеста неопределенным и неразличимым, растворенным в коммуникативных сетях «наблюдателей-режиссеров», а сам социальный протест, в силу неопределенности адресата, в определенной мере, бессмысленным. Но это не значит, что он будет отсутствовать вовсе. Молодежный протест, как контркультура (стремление быть более человечным, непохожим), как неотъемлемая часть процесса «взросления», символически видоизменяется, уходя в виртуальное или «подпольное» пространство (не обязательно андеграундное), все более отказывается от критического отношения к обществу потребления, играя с ним, или, становясь частью его «производственной машины», довольно успешно овладевает потребительским рынком.

Сегодня в период, когда начинает проявляться так называемый префигуративный тип культуры, и взрослые учатся у своих детей, разрыв между поколениями совершенно нов [4. С. 361–362]. Его последствия заметны и в российской действительности, где конфигуративный тип культуры (взрослые учат молодежь) вплоть до середины 80-х гг. XX в. был доминирующим. Пока они не влияют на политику напрямую, воздействие молодежи опосредованное. Относительная молодость всей политической жизни, в частности в России, оттеняет отсутствие политического опыта у молодежи. Вместе с тем, стремительные: модернизация современных политических институтов и изменение условий их функционирования, и не дают, в том числе и для молодежи, устойчивых привычек в политике, времени для формирования политического опыта. По мысли Э. Гидденса, для функционирования «высвобождающих механизмов» современности чрезвычайно важным оказывается поддержание необходимого уровня субъективного доверия к абстрактным системам, которое не просто организует повседневную практику индивидов вокруг существующих институциональных форм, но становится психологической основой онтологической безопасности личности: «Чувство доверия ... является источником объективной стабильности внешнего мира и целостности самоотождествленного «Я» [8. С. 101]. Э. Эриксон определяет его как чувство «базисного доверия» или установку по отношению к себе и к миру, подразумевающую как собственную доверчивость человека, так и чувство неизменной расположенности к себе других людей [9. С. 106].

Перспективы появления «базового доверия» в России детерминируются технологическими, информационными, социокультурными и другими рисками, которые – питательная среда для возникновения упрощенных идей и представлений, порой провоцирующих лишь социальную агрессию и симуляции. Пока этот процесс на этапе социальной рефлексии и потребительских практик. Не последнюю роль здесь играют и будут играть в дальнейшем «механизмы» и институты экстраполяции, через которые новое познается через ранее сложившиеся культурные смыслы и формы, или осмысление неизвестного по аналогии с известным, преодолевающие культурно – психологический стресс общества перед переменами, ощущением неизбежности происходящего и утраты прошлого, и выполняют для социума функцию самосохранения как культурно-исторической общности. Реанимируются стержневые факторы российской истории, обеспечивающие потребности общества в безопасности. Среди них важную роль играет потребность в «государственном строительстве». Эти общественные потребности структурируют молодежное движение уже сейчас, заполняя идейный вакуум и мобилизуя.

В условиях разного рода конфликтов, экологических угроз, техногенных катастроф и социальных

страхов безопасность, становясь целью социальных мобилизаций, формирует исторический облик институтам и различным системам и подсистемам общества, основной стратегией которых является курс на выживание любой ценой, обнажая культурные слои низшего порядка. Эффект неоправданных ожиданий, социальные опасения в отношении будущего, недовольство настоящим провоцируют в российском обществе рост радикальных настроений разных порядков и произрастание утопических социальных воззрений и проектов. Современное молодежное движение, не без подачи политических групп и институтов, деятельность которых направлена на усиление социально отживших форм этатизма с одной стороны, и под давлением маргинальных политических группировок, опирающихся на инструменты дезинтеграции социально-политического пространства страны с другой, в той или иной степени вовлекается в эти процессы. При этом тотальный радикализм в молодежном движении России бесперспективен, соответствующий идейный политический капитал, как и в целом идейный капитал, у современной российской молодежи пока практически отсутствует. Господствующие позиции занимает прагматизм, настроенный далеко не на реализацию социальных целей и каких бы то ни было программ и стратегий изменения социальных институтов и норм. Доминирует действие по ситуации и стремление к обретению средств реализации (финансовые, технологические, властные, интеллектуальные), возможно их аккумуляция.

Это проявляется как в силу начавшейся, с обретением новейших средств коммуникации, вышеуказанной трансформации всего политического механизма, так и потому, что молодежная культура, мировосприятие, потребности, их символический капитал в целом и так «участвует» в «общественном потреблении». Он «успешно» эксплуатируется и приносит в политике и экономике быстрый доход. Символический капитал молодежи становится достоянием общественного сознания, что можно расценить как следствие, синдром включения России в глобальное мировое сообщество. Под знаком реформ Россия перенимает эту тактику у стран Запада, взявших ее на вооружение после «молодежных революций» 60-70-х гг. XX в. При этом, забывая о последствиях роли «наблюдателя», перенимая мировоззрение и изменяясь в целом, делая социальные процессы скоротечными, а сам социум «хрупким», подверженным эксцессам молодежного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ядов В.А. К вопросу об исторической миссии молодого поколения // Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 253–261.
2. Левикова С.И. Молодежная субкультура. – М.: Фаир-Пресс, 2004. – 447 с.
3. Любарский Г.Ю. Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. – М.: Изд-во КМС, 2000. – 407 с.
4. Омельченко Е. Молодежь – открытый вопрос. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004. – 180 с.
5. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
6. Мухин О.Н. Игровые аспекты петровской модернизации // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. – М.: ИВИ РАН, 2004. – С. 146–153.
7. Бард А., Зондерквист Я. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 459 с.
8. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. – М.: ИНИОН РАН, 1995. – С. 99–111.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 339 с.